

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

**ТОМСИНОВ
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ**

заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД НАЗВАНИЕМ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА*

Статья В.А. Томсинова «Преступление под названием «юридический факультет» по-настоящему заинтересовала юридическую общественность. Отрадно, что проблемный материал не остался без внимания читателя. К сожалению, количество устных комментариев по данному поводу значительно превысило количество письменных. Появление статьи в журнале «ЗАКОН», конечно, не означает солидарности редакции с каждым словом автора. С другой стороны, едва ли разумно чинить препятствия в опубликовании того или иного автора в случае, если его позиция хотя и спорна, но аргументированна. Мы, как и раньше, предлагаем осмыслить серьезную проблему, поднятую автором, и отозваться на нее прежде всего на страницах нашего журнала.

«Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: *крадут*»¹. Это высказывание историка и литератора, приведенное в «Старой записной книжке» П.А. Вяземского, часто цитируется в книгах, статьях или просто в разговорах о современной российской действительности.

Если бы меня попросили выразить одним словом суть происходящего в настоящее время в российском юридическом образовании, то я бы сказал: ГЛУПЕЮТ.

Очевидные признаки деинтеллектуализации обнаруживаются во всей системе профессиональной подготовки юристов. Буквально с каждым годом падает степень образованности и уровень умственных способностей молодых людей, поступающих учиться в юридические вузы. Среди преподавателей уменьшается доля по-настоящему квалифицированных специалистов — знатоков преподаваемого предмета. В преподавательских коллективах исчезает университетский дух, предполагающий свободный обмен мнениями по проблемам науки и окру-

* Публикуемая статья представляет собой фрагмент книги проф. В.А. Томсинова «Преступление под названием «Юридический факультет», которая готовится к изданию в одном

из московских издательств.

¹ Вяземский П.А. Старая записная книжка / составление, статья и комментарий Л.Я. Гинзбург. Л., 1927. С. 56.

жающей жизни. В юридической литературе увеличивается количество безграмотно написанных учебников, учебных пособий и монографий; чтобы убедиться в этом, достаточно зайти в любой книжный магазин, где продается юридическая литература, и полистать хотя бы несколько книг. Но при этом, что самое любопытное, число кандидатов и докторов юридических наук выросло до небывалых прежде масштабов — такое ощущение, будто дипломы о присвоении этих ученых степеней выдают уже не в Высшей аттестационной комиссии, а по месту жительства, в паспортном столе. Разгадка такого феномена проста — защита диссертаций превратилась в целом ряде ученых советов в простую формальность для диссертантов — такую же, как покупка какого-либо товара.

Заведующий кафедрой гражданского права в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова профессор Е.А. Суханов писал в 2006 г. в статье «О диссертациях по гражданскому праву»: «В последние несколько лет цивилистику буквально захлестнул поток диссертаций: по самым скромным подсчетам, по специальности 12.00.03 ежемесячно появляется от 30 до 50 авторефератов, а ежегодное количество защит по ней давно перевалило за 500. Такое бурное развитие гражданско-правовой науки можно было бы только приветствовать, если бы не удручающе низкий уровень подавляющего большинства таких «исследований». Едва ли не правилом стало вынесение соискателями ученых степеней на защиту таких общих положений, которые без труда можно отыскать в любом приличном учебнике гражданского права, а иногда — и непосредственно в гражданском законе. Уже никого не волнует, что по одной и той же проблематике на протяжении года-двух защищается несколько диссертаций, в том числе и с дублирующими друг друга выводами. В стране неожиданно обнаружилось две-три «школы цивилистической мысли», от нескольких «лидеров» которых чуть ли не ежемесячно десятками исходят новоиспеченные «ученые», защищавшиеся в одних и тех же советах с одними и теми же оппонентами. Особенно тревожно, что этот процесс затронул докторские диссертации, авторы которых после успешной защиты начинают «воспроизводить» и соответствующих кандидатов наук. Экспертный совет ВАКа, где цивилистическими диссертациями фактически занимается не более трех-четырёх экспертов, физически не в состоянии «переварить» этот вал. Очевидна насущная необходимость формирования общественного мнения профессионального сообщества, которое стало бы жестким заслоном на пути подобного развития. В про-

тивном случае расширенное воспроизводство такого рода диссертаций неизбежно и весьма скоро приведет к тому, что именно они станут определять «планку» научных исследований, а затем — уровень обучения и подготовки юристов».

Подобное можно сказать и о диссертациях по конституционному и муниципальному праву — их тоже поток, и подавляющее большинство из них также имеют «удручающе низкий уровень», и в этой отрасли юриспруденции «по одной и той же проблематике на протяжении года-двух защищается несколько диссертаций». Так же обстоит дело, по признанию специалистов, и с диссертационными работами по уголовному праву, гражданскому и уголовному процессу.

Эти факты составляют довольно мрачную картину, но не они больше всего поражают меня. Высказав мнение о необходимости «формирования общественного мнения профессионального сообщества», которое могло бы остановить затопление российской цивилистики потоком низкопробных диссертационных работ и спасти юридические вузы от толп безграмотных «кандидатов» и «докторов наук», проф. Суханов сообщил далее в своей статье, что «в связи с этим редколлегия журнала «Вестник гражданского права» считает целесообразным открытие постоянной специальной рубрики, посвященной оценке диссертационных работ по гражданскому праву и смежным с ним областям (специальность 12.00.03)». И вот после этих слов он сделал замечание, которое показывает (мне, во всяком случае), что накрывший нашу юриспруденцию и юридическое образование поток низкопробных диссертационных работ и толпы безграмотных «кандидатов» и «докторов наук» — еще не самое страшное. Суханов счел необходимым заметить, что «авторы данной рубрики вполне отдадут себе отчет в том, *какую бурю страстей способны вызвать их публикации*. Однако дальнейшее бездействие в данном деле грозит такими последствиями для цивилистики, перед которыми, несомненно, должны отступить соображения *личного комфорта*».

Критическая оценка научных работ коллег еще со Средних веков считалась даже не правом, а обязанностью людей, объединенных в университетское сообщество. В Российской империи научная юриспруденция совершила в течение XIX и начала XX вв. настоящий скачок в своем развитии во многом благодаря тому, что в рус-

ском университетском сообществе с самого его возникновения сложилась традиция строгих экзаменов² в учебных заведениях и критического отношения к научным трудам друг друга. Каждый журнал имел отдел библиографии и критики, где публиковались рецензии на выходящие книги. В результате в России с каждым годом издавалось по различным проблемам права все больше книг и статей высокого научного уровня³, некачественные же и тем более откровенно безграмотные работы поднимались на штыки критики, навлекая позор — «бурю страстей» — на их авторов, а не на критиков. Критика считалась деятельностью не просто полезной для науки, но и благородной в общественном мнении.

Традиция научной критики сохранялась в какой-то мере в русской юриспруденции советского периода. К настоящему же времени данную традицию — живительную для науки, как сказочная живая вода, — можно считать окончательно иссохшей.

Это не означает, что критика напрочь исчезла из юридической науки. Отдельные капли ее проливаются иногда на страницы современных юридических журналов: критические рецензии на книги и диссертации публикуются и в «Правоведении», и в «Вестнике Московского университета» (Серия 11 «Право»), и в некоторых других периодических изданиях. Однако такие публикации являются единичными и не составляют столь же распространенной практики, как в российских юридических журналах XIX и XX вв. И, что самое печальное, возродить это важнейшее условие нормального поступательного развития любой науки в среде правоведов будет чрезвычайно сложно. Вышеприведенное замечание проф. Суханова об авторах специальной рубрики в

журнале «Вестник гражданского права», посвященной оценке диссертационных работ, раскрывает главную причину сложности этого, казалось бы, простого дела. Замышляя возрождение старой русской традиции критического отношения к научным трудам (в особенности к диссертациям), они думают не о том, какой позор обрушат на изготовителей безграмотных произведений, но о том, что обрушится на них, авторов критических статей, «какую бурю страстей» они навлекут на себя. И при этом сокрушаются, что придется пожертвовать «личным комфортом». Ну прямо заговорщики! Страдальцы за правое дело! При такой опасности научно-критической работы каждый автор статьи, содержащей критику чьего-либо диссертационного опуса, должен перед ее публикацией в журнале писать завещание — позаботиться о своих близких, а то ведь они без кормильца могут остаться!

Можно долго язвить по этому поводу, но при этом нельзя не признать: авторы критических статей имеют все основания для мысли о таких последствиях своей критики и, в частности, для опасений, что лишатся в результате ее «личного комфорта».

Само по себе увеличение количества низкопробных диссертаций и числа безграмотных «кандидатов» и «докторов наук» не так опасно для нашей юриспруденции и юридического образования, как сопровождающая этот процесс деформация общественного сознания. В нем все прочнее утверждается отношение к диссертации не как к творческому произведению, обобщающему результаты проведенного диссертантом научного исследования, но как к составленному по определенной форме исключительно для получения ученой степени документу.

² Такая традиция существовала, за редким исключением, во всех учебных заведениях России, в том числе и в кадетских корпусах, дававших наряду с военным приличное общегражданское образование. В качестве примера можно привести весьма любопытный Именной указ императрицы Анны Иоанновны от 30 марта 1737 г. «О свидетельствовании кадетов в науках...», который содержал следующее предписание: «А понеже в Кадетский Корпус ради разных учений определены Шляхетские ж и Офицерские дети, с которыми во всем, равно как в вышеупомянутом Нашем указе о прочих недорослях напечатано, поступать надлежит: того ради Всемилостивейше повелеваем: чтоб всех Кадетов по определенным в упомянутом указе срокам в их науках свидетельствовать в присутствии одного из Сенаторов, де сеанс и Адмиралтейской Академии и Инженерной школы учителям, и которые из них пребывали в гулянии и в прочих неприлич-

ных честным людям поступках и время праздно провождали, и ничему ни обучились: таких по 16-ти летах возраста их, отсылать в Адмиралтейскую Коллегию, для определения в матросы, без всякого произвождения: ибо от того никакой пользы ожидать не возможно, который в обучении таких беспутных и ему весьма потребных наук никакого радения не показал, и дабы все кадеты о сем Нашем Всемилостивейшем соизволении были известны и неведением не отговаривались: то надлежит сей Наш указ при собрании их всех читать в каждой неделе по дважды, и повелеваем в Нашем Кадетском Корпусе чинить по сему Нашему указу (выделено мною. — В.Т.)».

³ Многие из них до сих пор сохраняют свое научное значение. См., напр., книги серии «Русское юридическое наследие», издаваемые с 2002 г. издательством «Зерцало» и компанией «Гарант».

Для изготовления такой «диссертации» много труда и времени не требуется — поэтому частыми стали ситуации, когда диссертант представляет к «защите» свою «докторскую диссертацию» по какой-либо отрасли юриспруденции уже через два-три года после защиты кандидатской. Мог бы и раньше представить, но для выхода на защиту требуется опубликовать основное содержание диссертационной работы в статьях или книгах, а для организации таких публикаций не меньше двух лет необходимо. Будучи заместителем председателя Ученого совета по защите докторских диссертаций (председатель — проф. М.Н. Марченко), я сталкивался с целым рядом случаев, когда диссертант, например, заканчивает какое-нибудь военное училище или технический вуз, приобретая при этом специальность инженера, получает потом за плату диплом юриста или экономиста в каком-нибудь негосударственном вузе, спустя три-четыре года защищает кандидатскую диссертацию по юриспруденции или экономике, а еще через некоторое время успешно защищает в каком-нибудь Ученом совете (при единогласном голосовании всех его членов) диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук (например, по теме «Развитие правового регулирования аграрных отношений в России в X—XX вв.»). Подобные «диссертации» ВАК иногда направляет в наш Ученый совет для повторной защиты.

Как показывают факты, изготовить и защитить такие диссертационные опусы можно без особых препятствий, но это, как правило, стоит немалых денег. Не в этом ли причина агрессивной реакции авторов безграмотных диссертационных работ на критику?

Критические или отрицательные заключения специалистов по той или иной научной работе — вполне нормальная практика в любом сообществе ученых. Творческая неудача и, как результат, слабая в научном отношении работа — явление намного более распространенное среди ученых, чем творческий успех и работа высокого научного уровня. Казалось бы, если диссертант сталкивается с критическими замечаниями или отрицательным заключением специалистов по своей диссертации, то его реакция должна заключаться лишь в стремлении аргументированно ответить на них и доказать тем самым свою правоту. На деле же все более частыми становятся случаи, когда вместо попытки защитить свою работу от критики научными аргументами предпринимаются просто бешеные усилия для того, чтобы обойти это препятствие различными окольными пу-

тами, нередко такими, которые описываются в Уголовном кодексе Российской Федерации. И все чаще приходится сталкиваться со случаями, когда диссертант, даже признавая полностью обоснованность критического или отрицательного экспертного заключения по своей работе, чувствует себя оскорбленным и смотрит на авторов его не как на обыкновенных научных оппонентов, но как на злейших своих врагов. Очевидно, что стремление обзавестись ученой степенью кандидата или доктора юридических наук питается у таких людей не наличием способностей к научной или преподавательской деятельности, не сознанием того, что они создали достойный научный труд, соответствующий требованиям, которые предъявляются к диссертациям, и позволяющий им претендовать на ту или иную ученую степень, но исключительно желанием приобрести ее. Они хотят получить ученую степень и уверены, что одного этого хотения вполне достаточно, чтобы им ее присвоили. При этом каждый из таких людей всегда готов выпалить в вас неотразимым, как выстрел киллера, аргументом: «Другие же — и таких очень много — получают докторскую степень, представив в Ученый совет и затем ВАК вместо настоящей диссертации нечто похожее на нее по внешнему виду, но совершенно не соответствующее ей по содержанию. Почему им можно, а мне нельзя?»

Я остановился на этой ситуации с диссертациями потому, что она в наиболее чистой и открытой форме обнаруживает болезнь, которая все сильнее захватывает всю систему высшего образования России, а в юридическом образовании уже давно действует как настоящая эпидемия, заражая его атмосферу. Эта болезнь не только чрезвычайно опасна для нашей высшей школы, она еще и плохо поддается лечению. Потому что ее корни — не в экономике и не в политической системе, а в общественном сознании.

В течение первого десятилетия после распада СССР российское общество пережило две масштабные революции — экономическую и политическую. Они установили новый порядок распределения материальных благ и сформировали новое правящее сословие. Сейчас настала пора для революции в общественном сознании. Она уже идет, и ход ее очень впечатляющ. Я сужу об этом по тем переменам, которые произошли в последние годы в юридических вузах. Признаться, такой феномен нашей общественной жизни, как юридический факультет российского государственного университета, заинтересовал меня и стал

одним из главных объектов моих научных исследований именно потому, что революция в общественном сознании проявилась здесь самым грубым (можно сказать, даже самым беспардонным) и потому очевидным образом.

Советское общество было статусным. Поэтому диплом об окончании высшего учебного заведения, дававший его обладателю возможность сделать профессиональную карьеру и занять высокую должность, являлся значимой ценностью. И многие молодые люди поступали в высшие учебные заведения исключительно с целью получить диплом. Однако самым надежным способом достичь этой цели являлась успешная учеба. Подавляющее большинство людей оказывались обладателями диплома об окончании вуза просто потому, что показывали на экзаменах вполне приличный уровень знаний. Наличие у кого-то диплома о высшем образовании было свидетельством его высокого умственного и образовательного уровня, и такому свидетельству вполне доверяли в обществе. Именно по этой причине обладание дипломом об окончании вуза считалось в общественном мнении весьма престижным.

В настоящее время, как и прежде, среди молодых людей, поступающих на юридический факультет, есть немало таких, которые приходят сюда за знаниями, за возможностью развить свой ум и получить настоящее образование. Но подавляющее большинство абитуриентов поступает в юридический вуз, как это было и раньше (а может быть, даже и всегда) исключительно для того, чтобы приобрести диплом об окончании. Однако если раньше достичь этой цели было трудно иначе как изучением преподаваемых студентам-юристам наук и соответственно посредством успешной сдачи экзаменов, то сейчас получить диплом об окончании любого юридического вуза, не утруждая себя при этом учебной работой, стало, как показывает практика, очень легко. Для приобретения диплома юриста надо ведь всего лишь иметь зачеты и положительные экзаменационные оценки по всем предметам учебной программы. А способов получить их, не тратя умственных усилий на изучение наук, очень много. Преподаватель может поставить положительную оценку нерадивому студенту просто потому, что не хочет тратить на него свое время (да и нервы тоже) или же откликнувшись на просьбу своего коллеги или кого-либо из знакомых. Положительную оценку по какому-либо предмету можно получить, совсем его не изучая, также с помощью шпаргалок или специальных технических приспособлений для передачи инфор-

мации на расстояние. В западных университетах такое мошенничество (*cheating*), обман преподавателя с целью получения незаслуженной оценки на экзамене, называется немедленным отчислением из учебного заведения — у нас разве что двойку поставят и отправят на пересдачу экзамена (где вполне можно попытаться еще раз обмануть преподавателя — вдруг получится?).

Во многих вузах можно без особого риска заплатить за положительные оценки на экзаменах и спать спокойно. Правда, получить оценки таким образом за все экзамены чаще всего бывает невозможно: среди преподавателей могут оказаться «странные» с точки зрения современного мировоззрения личности, которые будут требовать у студента за оценки только знаний.

О написании же рефератов, курсовых и дипломных работ ныне тоже можно не беспокоиться. В стране сложилась целая индустрия, способная освободить студентов от такой работы. Достаточно зайти на интернет-сайты с текстами готовых рефератов, курсовых и дипломных работ и скачать их. А если подходящего текста не нашлось, то изготовление его можно заказать — за деньги, конечно. Можно сделать заказ даже на диссертацию, и не только на кандидатскую, но и на докторскую. И успешную защиту могут обеспечить — по всем наукам, и по юридическим, естественно. Профессор ГУ — ВШЭ Л.Л. Любимов пишет в связи с этим: «В России книжные ярмарки, развалы, магазины переполнены прекрасно изданными в твердых и мягких переплетах сборниками готовых сочинений, решений контрольных работ, курсовых и даже выпускных студенческих работ, просто откровенных шпаргалок. В Интернете меню подобных материалов безгранично. Россия, вероятно, единственная страна, которая видит свое будущее в знаниевом обществе и при этом превратила образовательный *cheating* не только в часть культуры, в огромный кусок культурного пейзажа, но и в продукт целой индустрии, венцом которой является коммерческое производство кандидатских и докторских диссертаций на продажу. Немалая часть этой продукции принадлежит «белой экономике», в которой «продукт» даже облагается налогом»⁴.

⁴ См.: Любимов Л.Л. Угасание образовательного этоса // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 207. Данный номер журнала был подписан к печати 28.04.2009, а в свет вышел в июне текущего года.

Учебные заведения — это не только просветительские организации, дающие молодым людям представления об окружающем мире и знания в той или иной области науки. Это не только воспитательные учреждения, прививающие им определенное мировоззрение и нравственные ценности, позволяющие социализироваться, а попросту — сродниться с обществом, в котором им предстоит жить. Это, наконец, не только учебные центры, готовящие специалистов-профессионалов в какой-либо сфере общественной деятельности.

Система образования имеет еще одно высокое предназначение, о котором в современной России, кажется, начисто забыли: *высшее учебное заведение — это механизм отбора лучших в той или иной области профессиональной деятельности.*

Современное общество представляет собой, как известно, сложнейшую систему, состоящую из множества различных органов и функций. И как любое живое существо, общественный организм сохраняет свою жизнеспособность лишь при условии, что его органы работают в полном соответствии со своими функциями. А для этого необходимо, чтобы они состояли из людей, обладающих необходимыми для осуществления их нормальной деятельности умственными способностями, знаниями и нравственными качествами. Отбор таких людей и предназначены осуществлять, помимо прочего, учебные заведения, готовящие специалистов.

Юристы являются специалистами особого рода: они призваны обеспечивать сохранение правопорядка — той соединительной ткани в общественном организме, которая, закрепляя за каждым его органом надлежащее место и определенные функции, приводит в гармонию всю их совместную деятельность. Без правопорядка не может быть нормальной экономики, нормального политического процесса в обществе. Поддержание правопорядка является необходимым условием нормальной человеческой жизни. Любое здоровое общество заинтересовано поэтому, чтобы юристами становились люди, одаренные высокими умственными способностями и нравственными качествами.

В Древнем Риме в юристы шли представители самых выдающихся фамилий: Клавдии, Катоны, Сципионы и др. Древнеримскими юристами были самые образованные люди своей эпохи, интеллектуалы самого высокого уровня, знатоки не только юриспруденции, но также истории, философии, литературы и всех других наук, развивавших ум, дававших знания о человеке и обществе, наполнявших душу высшими чувствами: приверженностью к добру и справедливости, сознанием своего долга перед обществом, любовью к своему отечеству⁵. Римская империя объединяла в своем составе множество различных народов и культур, в ее рамках действовал сложнейший механизм производства и обмена товаров. Добавим к этому, что территория Римской империи была огромной, она охватывала все Средиземноморье, почти всю Западную и Центральную Европу, значительные части Африки и Азии. Управлять такой территорией было неимоверно трудно. И однако же государственная власть вполне справлялась с этой задачей. Как ей это удавалось, да еще при использовании простейших технических средств связи и обмена информацией? Объяснение лежит на поверхности: древнеримская государственная власть опиралась в управлении страной не столько на армию (именно поэтому она впоследствии легко уступила этот довольно значимый государственный институт варварам), сколько на правопорядок, на систему судов и правовых норм. Юриспруденцию в Древнем Риме буквально лелеяли, юристы пользовались огромным уважением, пиететом и отвечали на такое отношение общества и власти подобающе — высокостойным поведением, самоотверженным служением ее величеству Юстиции (*Justitia*), или, по-русски, Справедливости. При этом, конечно, нельзя не признать, что, опираясь в управлении страной на суды и правопорядок и всячески демонстрируя свою приверженность правовым ценностям, носители государственной власти в Древнем Риме не считали нужным соблюдать правовые нормы и принципы справедливости в сфере, где велась политическая борьба.

Репутацию высокообразованных, отличающихся высокими умственными способностями и высокоразвитым

⁵ См. о юриспруденции и юристах Древнего Рима: Томсинов В.А. Юриспруденция в духовной культуре Древнего Рима (древнейший период) // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1995. № 1. С. 33—41; Он же. Юриспруденция в Древнем Риме (классический период) // Вест-

ник Московского университета. Серия «Право». 1995. № 2. С. 35—45; Он же. Юриспруденция в Древнем Риме (постклассический период) // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1995. № 6. С. 56—64.

чувством собственного достоинства имели на протяжении всей истории своей страны юристы Англии — в особенности те из них, которые были объединены в корпорации, называемые судейскими «иннами» (*Inns of court*). К середине XV в. на ведущие позиции в английском юридическом сообществе выдвинулись четыре «инна» — *Lincoln's Inn*, *Grey's Inn*, *the Inner Temple*, *the Middle Temple*. Каждая из перечисленных корпораций обеспечивала не только защиту интересов юристов, но и следила за тем, чтобы они соответствовали весьма значимой и престижной в английском обществе юридической профессии своими нравственными качествами и уровнем своей профессиональной подготовки. Впрочем, «инны» являлись одновременно учебными заведениями и сами вели подготовку юристов. В каждой из вышеуказанных корпораций было по две сотни студентов⁶, которым читали лекции «ридеры» (*readers*) — специально назначенные для этого самые известные знатоки английского права из числа практикующих юристов.

Одним из воспитанников корпорации, именованной *The Inner Temple*, был знаменитый английский правовед Эдуард Кук (*Edward Coke*, 1552—1634). В 1607 г. на конференции королевских судей и членов Тайного совета между ним, занимавшим в ту пору должность Главного судьи Суда общих тяжб (*Chief Justice of the Court of Common Pleas*), и Яковом I возник спор по вопросу о том, имеет ли король правомочие самолично решать дела на основании *common law*. Король Яков говорил, что он обладает таким правомочием, поскольку *common law*, как ему думается, «основан на разуме, а он и другие люди обладают разумом в такой же мере, как и судьи»⁷. Эдуард Кук отвечал на это, что Бог действительно одарил его величество блестящими знаниями и великими природными талантами, «однако его величество не учен в законах своего Английского королевства и в делах, которые касаются жизни, или наследования, или вещей,

или благосостояния своих подданных; они не должны решаться с помощью естественного разума, но лишь посредством искусственного разума и судебного решения по закону, который представляет собой акт, требующий долговременного изучения и опыта прежде, чем человек сможет достичь его знания»⁸. Этот случай хорошо показывает, каким высоким общественным статусом и чувством собственного достоинства обладали английские юристы. Они могли строго указать не только простому подданному, но и своему королю на необходимость соблюдать правовые нормы. И ни один из них не опасался при этом лишиться не только жизни своей, но и такой жизненной мелочи, как должности.

Английские юристы в лице судей, барристеров, солиситоров, членов парламента, чиновников государственного аппарата играли огромную роль в функционировании и развитии Королевства Англия. Во многом благодаря именно их заслугам эта маленькая страна, имевшая небольшую территорию и всего 4 млн жителей на начало XVII в., за последовавшие два с небольшим столетия превратилась в мировую державу, создала обширную империю с землями в Америке, Азии, Африке, Австралии, распространила на все эти континенты свои правовые и политические ценности, сделала свой язык мировым.

В Российской империи юристы также составляли интеллектуальную элиту страны. А юридические факультеты Императорских университетов являлись не просто юридическими высшими учебными заведениями, но и крупными научными центрами. Особенно выделялись среди них — благодаря тому, что там преподавало много талантливых ученых-правоведов⁹, — юридические факультеты Московского и Санкт-Петербургского университетов. Их с полным основанием можно рассматривать как одно из выдающихся культурных явлений России XIX — начала XX в.

⁶ См. об этом: Holdsworth W.S. *A History of English Law*. Vol. 2. London, 1966. P. 493—494.

⁷ *The Twelfth Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt. Of divers resolutions and Judgements, given upon solemn Arguments, and with great Deliberation and Conference with the Learned Judges in Cases of Law, The most of them very Famous, beeng of the King especial Reference from the Council Table, Concerning the Prerogative*. 2nd ed. London, 1677. P. 64.

⁸ «But his Majesty was not learned in the Laws of his Realm of England, and causes which concern the life, or inheritance, or goods, or fortunes of his Subjects; they are not to be decided by natural reason but by the artificial reason and judgment of Law, which Law is an act which requires long study and experience, before that a

man can attain to the cognizance of it» (*Ibid*). Подоплеку этой истории см. в статье: Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 1640—1660 годов // *Проблемы истории государства и права: сб. научных трудов / отв. ред. В.А. Томсинов*. М.: Зерцало, 2009. С. 58—59.

⁹ См. о них: Томсинов В.А. *Российские правоведы XVIII—XX веков: очерки жизни и творчества*. В 2 т. М., 2007. Сокращенный вариант вошедших в эту книгу очерков издан в Англии на английском языке, в переводе профессора Лондонского университета У.Э. Батлера (см.: *Russian Legal Biography. Series 1. Russian Historical Legal Biography / Edited by William E. Butler and Vladimir A. Tomsinov*. Vol. 1. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2007).

Данный экскурс в историю я сделал только для того, чтобы на фоне приведенных исторических примеров сильнее оттенить мысль о том, что в нормальном государстве юридические функции, имеющие повышенное значение для его судьбы, должны исполнять люди, соответствующие по своим профессиональным знаниям, умственным способностям и нравственным достоинствам занимаемой должности. А это означает, что диплом юриста следует выдавать не всем, кто захочет его иметь, но только прошедшим механизм жесткого специального отбора. Жестокий по отношению к лицу, не обладающему необходимыми для исполнения функций юриста качествами, такой отбор будет в высшей степени благим для общества и государства.

В советский период отбор молодых людей в юристы начинал осуществляться еще до поступления в юридические вузы. К вступительным экзаменам в них допускались, как правило, лишь те, кто имел трудовой стаж не менее двух лет. И только 20% мест на юридических факультетах предоставлялось абитуриентам, не имевшим такого стажа. Для того же, чтобы получить право поступить в специализированные юридические институты, требовалось и того больше — соответствующая рекомендация партийных органов в дополнение к двухлетнему трудовому стажу.

В настоящее время подобные ограничения при поступлении в юридический вуз отсутствуют. Более того, нет даже возрастных барьеров. Поэтому нередки случаи, когда на юридический факультет поступают молодые люди, которым не исполнилось еще даже 16 лет. А в прошлом году я столкнулся на юридическом факультете МГУ со студентами, которым было всего по 14 лет! Причем были они далеко не вундеркиндами — во всяком случае, ничем не отличались по своим умственным способностям от своих сверстников, учившихся в 8 и 9 классах средней школы. Но они сумели, сдав экзамены за курс средней школы экстерном, получить на два-три года раньше своих сверстников аттестат о среднем образовании и затем стать студентами первого курса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В результате во время первой экза-

менационной сессии эти дети, ставшие по воле своих жестоких родителей студентами, не смогли сдать ни одного экзамена даже на удовлетворительную оценку.

Таким образом, бремя отбора молодых людей для профессиональной юридической деятельности целиком лежит в настоящее время на юридических вузах. И надо признать: указанную функцию они совершенно не выполняют¹⁰.

Происходит это по многим причинам, но главная из них коренится в общественном сознании, в котором каким-то образом исчезла — даже просто из поля зрения — такая категория, как общественный интерес. В результате неудовлетворительная оценка, выставленная преподавателем нерадивому студенту юридического или медицинского факультета, воспринимается часто лишь как вред, причиненный этому студенту. При этом даже не задумываются над тем, что от юриста так же, как от врача, зависят судьба и здоровье, а бывает, что и жизнь многих людей, и, следовательно, преподаватель, выставляющий нерадивым студентам юридического факультета неудовлетворительные оценки и тем самым не позволяющий им занять должности юристов или врачей, приносит благо обществу — он, может быть, даже спасает многих людей от вреда, который причинили бы им нерадивые студенты, ставшие горе-юристами. 16 апреля 2009 г. на встрече с членами Президиума Ассоциации юристов России Президент Д.А. Медведев говорил об опасности, которую несут государству слабо подготовленные юристы. «От качества подготовки юристов действительно зависит очень многое; это вопрос, который не относится к сугубо корпоративным», — отметил он. «Если не до конца грамотный юрист помогает компании, юридическому лицу, это, конечно, плохо, это может создать проблемы для предприятия. Но если такой выпускник оказывается в кресле следователя, адвоката или, что еще хуже, судьи, это может иметь очень серьезный негативный эффект для всей страны».

Каждый год в России выдаются дипломы государственного образца, удостоверяющие, что их обладате-

¹⁰ Этот факт признают и сами студенты юридических вузов. Вот одно из высказываний за июль 2009 г., весьма типичное для интернет-форумов при обсуждении вопроса, трудно ли учиться в том или ином юридическом вузе: «...Абсолютно никакой дисциплины, можно не учиться, просто приходить потусоваться. Прогулы лекций, семинаров и даже экзаменов эле-

ментарно закрыть справкой, которую недорого можно купить в ... поликлинике. Инспектора курсов закрывают на это глаза, им, видимо, тоже проблемы с отчислениями не нужны. В результате: диплом с одними тройками, знаний — ноль, специалисты — никакие». Или еще, довольно забавное: «Учился в ... бездельники почти все, сам таким был».

ли имеют специальность «юриспруденция» или ученую степень кандидата или доктора юридических наук, огромному количеству людей, которые на самом деле настоящего юридического образования не получают и знаний в объеме и качестве, соответствующих указанным специальности и ученым степеням, не приобретают. Ситуация, по-моему, почти аналогичная тому, как если бы государство занималось изготовлением и распространением в обществе фальшивых денежных банкнот. Я иногда думаю: уж лучше бы оно фальшивые деньги печатало и распространяло вместо фальшивых дипломов. Зло явное и легко обнаруживающееся лучше зла неявного и тем более замаскированного под добро. В наше время иллюзий быть не должно: мир во зле лежит. И Сперанский был прав, когда писал: «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»¹¹. Но деградация юридического образования — порок особый. Это не просто порок, это поражение государственного организма на клеточном уровне.

Бывают зрелища, о которых говорят, что они не для слабонервных людей. О современном российском юридическом образовании правильнее будет сказать, что это зрелище не для серьезных людей. Потому что его состояние, если посмотреть на него с точки зрения обычного здравого смысла, *не столько возмущает, сколько смешит*.

Самое возмутительное явление, которое только может существовать на юридическом факультете, это, безусловно, взяточничество. Но оно же одновременно и самое парадоксальное. Ну разве не беспредельным парадоксом является сама возможность *поступления за взятку на факультет, призванный готовить борцов со взяточничеством* (и, конечно, с другими преступлениями)? Если это не вполне смешно, то очень забавно. Но еще более забавный парадокс — взятка за выставление положительных экзаменационных оценок нерадивому студенту.

Вполне нормальной является ситуация, когда деньги платятся за знания (как это бывает, например, когда оплачиваются услуги репетитора или учеба на платном отделении юридического факультета), но **если деньги платятся за возможность не получать знаний в Хра-**

ме Знаний, если товаром выступает не знание, а невежество — это что такое? Как назвать это явление?

Особенно если учесть, что требования преподавателей к студентам на экзаменах в юридических вузах, как правило, настолько низки, что нередко для получения положительной оценки бывает достаточно рассказать просто что-то связанное и близкое к указанной в билете теме. Признаться, во время экзаменационной сессии мне чаще всего приходится говорить фразу примерно такого содержания: «В чем проблема-то состоит, я что-то не понимаю? Прочитал книжку да пересказал из нее то, что запомнилось. А не запомнилось — еще раз прочитал. Надеюсь, хотя бы читать научится свободно, не по слогам». Думаю, нетрудно догадаться, на какую просьбу я даю подобный ответ.

Последние два десятилетия стали в России эпохой такого разгула беззакония, которого не было, пожалуй, со времен Гражданской войны 1918—1922 гг. Но и столь большого количества поступающих в юридические вузы молодых людей никогда прежде не было. Получается опять-таки довольно забавная ситуация: *чем меньше в стране правопорядка, тем больше желающих поступить на юридический факультет*.

Удивительно, что при этом более половины выпускников юридических вузов вообще не могут найти себе работу по специальности. Причем это, как правило, выпускники негосударственных учебных заведений, т. е. не только время (четыре или даже пять лет), но и деньги (часто совсем не малые) тратятся многими молодыми людьми впустую. Те, кто спасаются учебой в юридическом вузе от призыва на службу в армию, время и деньги все равно тратят напрасно, поскольку для такого спасения было и есть много других путей, более надежных и дешевых.

А вот еще один парадокс современного российского юридического образования, и тоже весьма забавный. Каждый год число желающих поступить на юридический факультет в несколько раз превышает количество тех, кто может быть принят на учебу. Однако желающих учиться среди студентов в несколько раз меньше тех, кто учиться не желает, а хочет лишь числиться на факультете. Почему же в нынешней России диплом юриста — в цене, а юридические знания не имеют цены, бесценны — в том смысле, что и даром не нужны большинству студентов юридического факультета? Может быть, потому, что на практике большого спроса на них нет?

¹¹ См.: Томсинов В.А. Сперанский // Серия ЖЗЛ. М., 2006. С. 171.

Надо признать: в стране, где государственный аппарат изъеден коррупцией и не способен поддерживать в обществе необходимый правопорядок, держать в рамках закона экономические отношения, где в судах невозможно защитить свои интересы, опираясь только на закон, и где сотрудники правоохранительных органов не борются с преступностью, а зарабатывают на ней, — в такой стране юридические знания не могут иметь достойной цены.

Выдающийся наш правоведа и государственный деятель Константин Петрович Победоносцев писал в 1859 г. в статье «О реформах в гражданском судопроизводстве»: «В исторической жизни общества бывают критические минуты, когда с особенною ясностью раскрываются перед всеми издавна таившиеся общественные раны, когда вдруг обнаруживаются многочисленные нужды, требующие настоящего удовлетворения, и смятенное общество не находит под рукою ни средств, ни деятелей к разрешению самых жизненных вопросов. Обращаясь к самому себе со всею силою рефлексии, общество внутри себя начинает отыскивать причины зла и средства к его исцелению; работая над собою, оно возбуждает в себе тот спасительный процесс, посредством которого всякий живой организм залечивает собственные раны; но для того, чтобы этот жизненный процесс начался и действовал успешно, общество неминуемо должно обратиться к жизненному началу, — к правде, и в ней одной искать себе спасения. А правда должна быть правдою на деле, а не праздным словом»¹².

Наше общество переживает сейчас именно такие «критические минуты». Я имею в виду совсем не пресловутый «экономический кризис». То, что именуют этим словосочетанием, лишь высвечивает предельно отчетливо самую главную проблему современной России — отсутствие в стране полноценного государства. Сложившийся в нашей стране за последние два десятилетия государственный аппарат — это скорее прожорливая амеба, объедающая общество, нежели механизм, обеспечивающий условия для нормальной жизнедеятельности своих граждан, гарантирующий им безопасность и защиту общественных интересов. В этих обстоятельствах сказать правду, которую Победоносцев называл «жизненным началом» и в которой призывал

искать спасение, это значит признать с горечью: существующая в настоящее время в нашем отечестве государственная корпорация находится в таком состоянии, при котором наиболее эффективно она способна выполнять только одну функцию — похоронной команды для России.

История свидетельствует, правда, что похоронить Россию — дело весьма трудное, хлопотное. Многие за него брались: и чужие, и свои, но неизменно терпели неудачи: бывало, выкоплют могилу, положат ее туда и даже засыпят, а она полежит немного, как бы отдыхая, и опять поднимается к жизни. Но прежде и Россия была другой: какими бы болезнями духа и тела ни болела — способности к движению и росту не теряла. А сейчас она лежит парализованная и встать без помощи государства не сможет. В таком-то состоянии похоронить ее будет нетрудно — особенно если за это дело возьмется ее собственное государство.

Как бы то ни было, но **по отношению к юридическому образованию нынешнее российское государство ведет себя так, будто не собирается жить долго.**

Юристы при любом политическом режиме составляют, как правило, кадровую основу государственного аппарата, без которого невозможно поддерживать элементарный порядок в обществе, проводить эффективную государственную политику во всех сферах общественной жизни. Они одновременно и самые квалифицированные защитники прав личности. Юристы присутствуют, как правило, и в парламенте, и в министерствах, и в местных администрациях. Они наполняют собой правоохранительные органы. Суды же — это не просто часть государственного аппарата, но и важнейший институт гражданского общества. Эффективно действующая судебная система, способствуя разрешению конфликтов, позволяет поддерживать стабильность системы политической. Отсюда очевидно, что **юридический факультет — это нечто большее, чем просто высшее учебное заведение. Это учреждение, играющее важную роль в формировании государства и гражданского общества.**

Исторический опыт показывает, что деятельность юридических факультетов в университетах Западной Европы и Российской империи во все исторические эпохи осуществлялась под контролем государственной власти. Не случайным, но обусловленным конкретными целями со-

¹² Русский вестник. 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 543.

циально-экономического, политического и идеологического характера, соответствовавшими интересам государства, было содержание и учебных программ юридических факультетов. Государство не оставляло систему подготовки юристов без надзора даже в те периоды Средневековья, когда его власть была ослабленной. Конечно, западноевропейские университеты обладали некоторой автономией при организации своей внутренней жизни¹³, но рамки их самостоятельности были всегда довольно узкими — слишком велико было значение юристов для государственного управления в обществе, чтобы государство оставило процесс их обучения и воспитания на усмотрение самих университетов.

В России по сравнению с Западной Европой вмешательство государственной власти в университетские дела было намного более масштабным. Развитие системы юридического образования здесь с самого начала целиком определялось верховной государственной властью и проходило под жестким контролем государственных органов¹⁴. Содержание учебной программы юридических факультетов соответственно также задавалось государственной властью и строилось исходя из потребностей российского государства¹⁵. Для надзора за тем, как руководство университетов и факультетов соблюдает законы, была учреждена специальная должность синдика — своего рода прокурора для университета.

Юридическим факультетам отводилось первостепенное место в императорских университетах. Квалифицированных преподавателей не хватало на всех факультетах, но государственная власть предпринимала особые усилия для преодоления этого недостатка именно там, где осуществлялась подготовка юристов. В конце 20-х годов

XIX в. подготовка профессоров для преподавания юридических наук в университетах была организована при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии под руководством такого выдающегося русского государственного деятеля и правоведа, как М.М. Сперанский. Способные молодые люди отбирались из числа лучших слушателей духовных академий. По завершении курса обучения в Санкт-Петербурге они отправлялись за государственный счет в Берлин слушать лекции знаменитых немецких правоведов, преподававших в местном университете¹⁶.

«Нет сомнения, — признавал профессор юридического факультета Казанского университета А.Г. Станиславский, — что в России законоведение одолжено и своим началом и своим дальнейшим развитием попечением и заботам просвещенного правительства. То правда, что и во всех других частях народного образования щедроты, поощрения и указания его предупреждали деятельность частных лиц; но ни одна наука не может в такой мере назваться плодом правительства, как наука права»¹⁷.

Усилия правительства Российской империи, направленные на обеспечение юридических факультетов профессорами, прошедшими специальную подготовку, способствовали формированию в их рамках преподавательских сообществ, способных самостоятельно поддерживать в своей среде атмосферу нетерпимости к любым проявлениям безнравственности.

|| В настоящее время такое явление, как коррупция, стало вполне обыкновенным не только в государственном аппарате, но и в университетах, в том числе и на юридических факультетах.

¹³ См. об этом: Томсинов В.А. Ректор университета в Западной Европе и в Российской империи: исторические заметки // Законодательство. 2009. № 4. С. 90—95.

¹⁴ См. об этом в моих статьях по истории юридического образования и юриспруденции в России в журнале «Законодательство», где они публикуются в каждом номере начиная с 1998 г., и в «Вестнике Московского университета. Серия 11 «Право» (с 1996 г.).

¹⁵ См., напр.: Томсинов В.А. Юридический факультет Московского университета во второй половине XVIII века // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2004. № 6. С. 3—26; Он же. Юридический факультет Московского университета в 1755—1917 гг. // История юридического факультета Московского университета (1755—2005). М., 2005. С. 9—52; Он же. Формирование основ научной юриспруденции в России (первая половина XVIII в.) // Труды юридического факультета. Книга 9. М., 2008. С. 9—52; Он же.

Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Статья первая // Законодательство. 2007. № 1. С. 85—90; Он же. Развитие русской юриспруденции во второй трети XIX века. Статья первая // Законодательство. 2008. № 8. С. 89—94. Статья вторая. № 9. С. 87—92. Статья третья. № 10. С. 86—91. Статья четвертая. № 12. С. 79—84, и др.

¹⁶ См. об этом: Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции в первой трети XIX века. Статья шестая // Законодательство. 2007. № 6. С. 85—90; Статья седьмая // Законодательство. 2007. № 7. С. 85—89.

¹⁷ Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета 8 июня 1853 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. Ч. 80. Отд. 2. С. 28.

Причем самое печальное, что конкретные факты ее широко известны — о них все знают. И более того, о них открыто пишется в СМИ. Интернет-журналы, посвященные образованию, наполнены информацией о коррупции. Стоит только набрать в поисковике слова «коррупция в вузах» и натыкаешься на множество таких сообщений, как нижеследующие:

«Ситуация на рынках высшего образования России говорит о том, что эта социальная сфера, которая призвана формировать капиталы знаний, необходимые для модернизации России, ставит перед собой совершенно иные задачи. Здесь формируются финансовые накопления администраций высших учебных заведений. Капитал знаний девальвируется на наших глазах»¹⁸.

«Сегодня в России неформальный рынок среднего и высшего образования переживает небывалый бум. Работает черный рынок диссертаций, дипломов, курсовых и контрольных работ. Объявления о таких услугах свободно публикуются в Интернете. Дипломы высших учебных заведений можно приобрести просто в переходе метро; коррупция и подлог стали публичными».

«Широко распространена практика покупки оценок на вступительных экзаменах и в текущих сессиях, права перехода на следующий курс без посещения занятий. Есть вузы, в которых перед сессией просто объявляется преискуртант. Конечно, цены на этом рынке находятся в обратной пропорции к уровню знаний покупателя оценки, его состоятельности, наличия связей, например административного ресурса или добрых отношений с преподавателями и мн. др.»¹⁹

«Высшая школа сегодня представляет собой гигантский теневой рынок, на котором крутятся миллиарды. Диплом на этом рынке стал чуть ли не финансовым документом», — открыто пишется в одном из исследований коррупции в вузах²⁰. «Да, коррупция в вузах существует, это явление неизбежное», — такой вывод делают авторы социологического исследования «Коррупция в вузах: взгляд на проблему студентов», опубликованного в Интернете в виде 24-страничной брошюры.

Однако ситуация, существовавшая в университетах Российской империи, и в том числе на юридических факультетах, опровергает данный вывод.

Государственный аппарат Российской империи был коррумпирован до чрезвычайной степени. Фаддей Булгарин писал, например, в своих воспоминаниях: «Насчет высших чиновников коммерц-коллегии не только рассказывалось во всей России, но и печатаемы были за границей анекдоты, которые показались бы невероятными, если бы эти господа чиновники не изумляли столицы своей роскошью и даже мотовством. Я знал одного из этих господ, который начал службу писцом в Могилевском магистрате (происходя из могилевских мещан) и был женат на могилевской торговке калачами, а потом имел несколько каменных домов в Петербурге и несколько тысяч душ в Белоруссии!»²¹.

О том, какой грандиозной была коррупция в российском государстве можно привести много различных высказываний людей, живших в XIX — начале XX в., самое лучшее из них принадлежит Н.В. Гоголю. «Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды; она слишком уже глубоко вкоренилась, — писал он. — Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякой гражданин несет все и жертвует всем, я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце, и <которым> понятно сколько-нибудь слово «благородство». Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правление, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как <ни> ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет бе-

¹⁸ Кисельер Д. Коррупция в вузах // Частный корреспондент. 2008. 12 нояб. (<http://www.chaskor.ru/p.php?id=1008>).

¹⁹ Плущер-Сарно А. Капитуляция российского капитала знаний // Частный корреспондент. 2008. 10 ноября (<http://www.cha->

[skor.ru/p.php?id=1007](http://www.chaskor.ru/p.php?id=1007)).

²⁰ Кисельер Д. Указ. соч.

²¹ Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. С. 627.

зуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против <врагов?>, так должен восстать против неправды»²².

Гоголь сказал душевно и жестоко, но такой и бывает всегда настоящая правда — именно душевной и жестокой одновременно. Российский государственный аппарат кишмя кишел взяточниками.

Но вот что интересно: **в университетах Российской империи коррупция отсутствовала. Ни на одном факультете — и юридический не был исключением — взяток не брали.** При этом нельзя было сказать, что нравственный дух университетского сообщества находился на должной высоте. Но взятки — при всех подлостях, которые творили в отношении друг друга, — не брали.

В многочисленных мемуарах и письмах университетских преподавателей и тех, кто просто учился на юридическом факультете какого-либо российского университета, я обнаружил всего лишь один эпизод, в котором шла речь о взятке. Но он скорее подтвердил отсутствие здесь взяточничества.

Дело было на юридическом факультете Московского университета осенью 1846 г. Профессор Никита Иванович Крылов²³ поссорился со своей супругой, и та — в порыве гнева — предала огласке известные ей прегрешения мужа. А среди них случай, когда он якобы получил взятку от плохо учившегося студента из богатой семьи. Профессора факультета, узнав об этих откровениях супруги своего коллеги, призвали к себе студента, и он подтвердил дачу взятки. О том, как развивалась данная история в дальнейшем, рассказал в своих воспоминаниях Б.Н. Чичерин²⁴. «При таких обстоятельствах между профессорами, дорожившими честью своей корпорации, естественно, возник вопрос: возможно ли служить с человеком, до такой степени себя замаравшим? Мнения раздвоились; одни утверждали, и не без основания, что ссора Крылова с женою дело совершенно частное, до университета вовсе не касающееся, и что поднимать тревогу из-за семейной

распри не следует. Что же касается до взяточничества, то доказательств, в сущности, не представлено. Другие, напротив, думали, что университетская корпорация, только оставаясь нравственно чистою и не терпя внутри себя прокаженных членов, может сохранить вполне свое значение и свое влияние на молодежь. Последнее мнение победило; всех более кипятился [К.Д.] Кавелин. Решено было заявить начальству, что если Крылов не выйдет из университета, то [Т.Н.] Грановский, [П.Г.] Редкин, [К.Д.] Кавелин и [Е.Ф.] Корш принуждены будут подать в отставку. Мне достоверно неизвестно, какой был последующий ход дела. Кажется, попечитель склонялся на сторону протестующих профессоров; по крайней мере, он сам вслед за ними оставил университет. Но министр поддержал Крылова, и те подали в отставку. Грановского не выпустили, потому что он не выслужил еще обязательного срока после посылки за границу на казенный счет; отставка же остальных была принята. Они все трое переехали на службу в Петербург; юридический факультет лишился достойнейших своих членов. Когда через несколько лет Грановскому вышел срок, он сам увидел, что безумно было бы, когда дело было уже совершенно проиграно, задним числом довершать торжество пошлости и грязи оставлением университета по поводу давно похороненного вопроса о нравственной чистоте университетской корпорации. Он понял, что он и его приятели слишком высоко хотели держать университетское знамя и что в России предъявление таких высоких требований всегда кончается поражением. Он остался в университете»²⁵.

Описанная история показывает, что на юридическом факультете Московского университета существовала такая густая атмосфера нетерпимости к взяточничеству, что даже подкрепленные весьма шаткой основой подозрения о том, что кто-то предается этому греху и преступлению, считались достаточным основанием для удаления его из состава университетской корпорации. Пример этот примечателен еще и тем, что показывает реальный путь борьбы с коррупцией в учебных заведениях: формирование внутри них преподавательского сообщества, нетерпимого к любым ее проявлениям.

²² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 7. Мертвые души. Том второй. М.—Л., 1951. С. 269—270.

²³ См. о нем: Томсинов В.А. Российские правоведы: очерки жизни и творчества. В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 257—262.

²⁴ См. о нем.: Там же. С. 429—455.

²⁵ Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б.Н. Чичерина / составление, общая редакция и предисловие С.Л. Чернова. М., 1991. С. 48—49.

В советском государстве юридическое образование считалось политическим образованием. Поэтому не только вся деятельность юридических вузов, но и прием в студенты-юристы проходили под бдительным контролем как партийных, так и правоохранительных органов (в том числе и КГБ).

В российском же государстве, образовавшемся после распада СССР, юридическое образование с самого начала оказалось брошенным государственной властью на произвол судьбы, отданным во власть общественной стихии. Впервые в русской истории это жизненно важное для поддержания устоев государственности образование стало трактоваться в качестве всего лишь товара, который можно продать и купить. И предприимчивые люди сполна воспользовались новыми возможностями для развития своего бизнеса, которые предоставило им заметно поглупевшее в 90-е годы XX в. Российское государство. В России появилось вдруг небывалое множество новых юридических вузов, имевших статус негосударственных учебных заведений. Впрочем, вузами большая их часть была только формально, фактически же это были настоящие коммерческие предприятия.

Коммерциализация юридических вузов повлекла коренные перемены в их внутренней жизни. О том, насколько опасной оказалась эта метаморфоза для российского юридического образования, шла речь в статье «Преступление под названием «юридический факультет», опубликованной № 3 журнала «ЗАКОН» за текущий год.

В ней говорилось о высоком назначении юридических факультетов, призванных осуществлять подготовку не просто знатоков права, но государственно мыслящих, преданных своему отечеству и потому способных к успешной государственной деятельности молодых людей. Обращалось внимание на то, что главнейшие беды юридического образования в современной России коренятся не в огромном количестве слабых негосударственных вузов, многие из которых в ближайшие годы явно прекратят свое существование, а в плачевном состоянии юридических факультетов государственных университетов. В качестве одной из главных причин деградации

российского юридического образования называлось отсутствие надлежащего контроля государственных органов за деятельностью юридических вузов. Брошенные на произвол судьбы юридические факультеты государственных университетов встали перед реальной опасностью криминализации и полной деградации. Вступительные экзамены в эти вузы были фактически ликвидированы: вместо них была внедрена преступная система протаскивания в студенты заранее отобранных молодых людей²⁶, вследствие чего многие из них перестали быть полноценными государственными вузами, но превратились по сути в особого рода меняльные конторы, уголовно-коммерческие предприятия. В статье отмечалось также, что внутривузовская организация, предполагающая, по существу, бесконтрольное распоряжение их руководством денежными средствами, заработанными вузами, не соответствует нынешним условиям. Она позволяет деканам без труда присваивать немалые суммы этих средств с помощью целого ряда различных ухищрений.

Признаться, указанная статья изначально задумывалась мною в качестве очерка, только предваряющего настоящий разговор о состоянии юридического образования в современной России. Мне хотелось приоткрыть дверь внутрь постройки, именуемой «юридическим факультетом», и выставить всем напоказ те мерзости, которые в действительности происходят внутри нее, о которых хорошо знают не только ее обитатели, но и многие посторонние люди. Мне хотелось сказать вслух то, о чем говорится почему-то лишь вполголоса, и послушать, что на это скажут в ответ.

Мои надежды более чем оправдались — статью заметили. Ее текст копировался и фотографировался, передавался и пересылался. Содержание статьи в течение двух месяцев после ее выхода в свет бурно обсуждалось на различных форумах. Текст статьи был выложен на целом ряде сайтов. По ней принимались заявления различными советами и собраниями (прямо как в СССР в 30-е, во второй половине 40-х и в начале 50-х гг. прошлого века). «Российская газета» напечатала интервью со мной на тему «Какая реформа необходима юриди-

²⁶ Декан юридического факультета и ректор Санкт-Петербургского университета проф. Кропачев в интервью газете *Regnum*, опубликованном 21 апреля 2009 г. под названием «Поворот всей вузовской системы начнется с юристов», сказал: «Сейчас нет никакой цивилизованной системы отбора по-

ступающих в вузы. Есть обстоятельства, в которые попадают абитуриенты и, как правило, их родители... И эти обстоятельства надо убирать из российской жизни» (<http://www.regnum.ru/news/1154235.html>).

ческому образованию?», которое взяла заместитель главного редактора Н.В. Ячменникова. Я повторил в нем, хотя и в несколько иной форме, некоторые из основных положений статьи²⁷.

Многие читатели статьи даже не вчитывались в ее содержание и не задумались над ее названием, не задали себе элементарных вопросов, например: что такое «Преступление под названием «юридический факультет»? Ни в одном уголовном кодексе такого преступления нет, почему же тогда в названии статьи стоит слово «преступление»? А ведь не ответив на эти вопросы, как можно судить о статье? Слово «преступление» — старое русское слово, означающее в старинном смысле действие, выходящее за рамки нормы, — преступающее границу, отделяющую нормальное от ненормального, правду от неправды, добро от зла, разумное от неразумного. Преступление под названием «юридический факультет» — это все то, что выводит наше современное юридическое образование за пределы нормальной системы подготовки юристов. Это все то, что выводит его из Храма Правды и Справедливости. А куда выводит, я думаю, ясно и без слов — тем более что для обозначения этого «куда» хороших слов и не подберешь.

Никто не задал при обсуждении моей статьи вопроса, с которого, наверное, и надо было бы начинать, а именно: для чего автор написал ее? С какой целью? А если бы задали, да еще и ответили, то многое бы поняли и, возможно, устыдились бы и не стали бросать в пустоту Интернета непродуманные высказывания и голосовать за откровенно глупые заявления.

Внимательно наблюдая за происходящим на юридических факультетах государственных университетов, трудно увидеть, что процесс деградации государственного юридического образования стремительно прогрессирует. Исчезает среда, в которой только и может существовать настоящий студент и настоящий преподаватель. Распадается одна из духовных основ русской цивилизации, более двух столетий наполнявшая ее особой умственной и поведенческой культурой, — гибнет на виду у всех, открыто и в высшей степени трагично университетское сообщество. Гибнет молчаливо, нисколько не сопротивляясь гибели, не защищаясь от губителя. Но лишь изумленно и обреченно взирая на него. Потому что губитель университетского сообщества — оно само...

²⁷ См.: *Российская газета. Федеральный выпуск. 2009. 29 мая (№ 4921). С. 6. В этом номере был напечатан Указ Президента России от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совер-*

шению юридическому образованию в Российской Федерации».